

УДК 340

ДЕФЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СВЯЗИ С ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В. В. Попов

Волгоградская академия МВД России,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Примат политико-идеологического подхода, отражающий прагматический аспект анализа предмета теории государства и права, может породить некорректные теоретические модели субъективных прав. Это предполагает необходимость использования логических подходов к построению таких моделей в качестве теоретического фундамента обеспечения национальной безопасности.*

Ключевые слова: субъективные права, права человека, реконструкция субъективных прав, модель субъективных прав, контекстуальное управление.

Annotation. *The primacy of the political-ideological approach, reflecting the pragmatic aspect of the analysis of the subject of the theory of state and law, can generate incorrect theoretical models of subjective rights. This presupposes the need to use logical approaches to the construction of such models as a theoretical foundation for ensuring national security.*

Keywords: *subjective rights, human rights, reconstruction of subjective rights, model of subjective rights, contextual management.*

Теория государства и права со времени своего формирования и по сей день осуществляет целый ряд очень важных функций, присущих подлинно научной теории. Однако нельзя не отметить тот факт, что в формируемых данной наукой моделях теоретической реконструкции возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений существуют довольно серьезные изъяны, затрудняющие реализацию потенциала общетеоретической юридической науки по совершенствованию юридической деятельности как одного из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности в современный период.

Одним из изъянов методологического характера является своего рода смешение, с одной стороны, прагматического, политико-идеологического, а с другой — логического подхода к постановке и решению теоретических проблем. Представляется, что в отдельных проявлениях подобный политико-идеологический подход имеет сходство с так называемым старым методом *mos italicus* [1, с. 96], который был выработан еще глоссаторами в ходе

университетской рецепции римского права и ярко продемонстрирован около 1250 г. в сочинении Аккурзия «Glossa Ordinaria», а также в многочисленных трудах постглоссаторов.

Логический же подход, который в большей степени отражает семантический аспект анализа юридической проблематики в гораздо большей степени схож (но, разумеется, не идентичен ему) с так называемым новым методом *mos gallicus*.

Представляется, что, хотя проблема некоего предпочтения исследованиям, проводимым в русле *mos italicus*, присуща различным типам правопонимания, все же наиболее зримо она выражена в естественно-правовом подходе к изучению правовых явлений.

Тенденция к выбору средств познания, которые выражают в большей мере политико-прагматическую, нежели гносеологическую функцию общетеоретической юридической науки, особенно ярко проявляется в теоретической реконструкции субъективных прав, поскольку проблематика данных прав отличается высокой мерой политизированности. Думается, что истоки ухода от логико-семантического анализа юридической проблематики восходят к традициям университетской рецепции римского права. Эта традиция весьма значима и ныне. Неслучайно Г. Берман, выделявший шесть великих революций, сопровождавших становление западного права, отмечал, что легитимация меняющегося правопорядка происходила через обращение к римскому праву [2, с. 35]. Подобную легитимацию было принято производить в первую очередь через интерпретацию дигестов (из свода римского гражданского права «*Corpus juris civilis*»), которые рассматривались как сокровищница, содержащая в себе не подверженные времени правовые ценности¹. Автор же берется утверждать, что истолкованные в форме глосс *brocarica* и *distinctionis* [3, с. 27] дигесты (причем дигесты сами в определенной мере являлись актами интерпретации) вряд ли претендуют на подтверждение слов Фомы Аквинского о том, что Бог вписал естественное право в сердца людей. Высказывания типа «*potius est jus naturale quam principatus*»² (Балдус) и тому подобные претендуют, скорее, не на объективацию естественного права, а на обоснование Иернерием, Булгаром, Мартином, Рогерием, Вакарием, Аккурзием и другими учеными мужами из университетов Болоньи, Падуи, Перуджи, Орлеана и т. д. праведности власти императора Генриха V, Фридриха I, римского папы Геласия II и т. п.

¹ Неслучайно, например, Г. Берман отмечал, что открытие Свода Юстиниана было воспринято в академической среде того времени так, как если бы был найден утерянный список приложений к Ветхому Завету.

² Естественное право сильнее власти государя.

Конечно, о прямом заимствовании подобного подхода советской юридической наукой речь вести нельзя, хотя Г. Берман, говоря о легитимации революционных изменений через обращение к римскому праву, упоминал и революцию 1917 г. Но отмеченный подход в контексте легитимации революционного обновления государственно-правового устройства был фактически продолжен в русле развития юридической науки на марксистском гносеологическом и философско-политическом фундаменте с приматом прагматического аспекта анализа исследуемых проблем над логико-семантическим.

В дальнейшем после разрушения СССР произошло относительно легкое замещение политико-правовых идей марксистского толка иными учениями, но особая значимость при этом «обновлении» фактически признавалась за учениями естественно-правового характера. И в первую очередь потому, что в ст. 2 Конституции России 1993 г. права человека признаются высшей ценностью, а сама идея прав человека наиболее тесным образом связана с естественно-правовыми воззрениями [4]. Не отрицая значимости тех ценностей, которые опосредованы правами человека, нельзя при этом не согласиться, например, с Э. Визелем, Н. Гордимер, Р. Дебре и другими в том, что в нынешнее время права человека превращены в «религию человечества», а любая критика учений об этих правах рассматривается чуть ли не как святотатство.

Вместе с тем думается, что теоретическая реконструкция субъективных прав и, соответственно, прав человека в рациональной, логико-семантической плоскости позволит решить вопрос о том, что есть бытие субъективных прав (как и прав человека) само по себе, т. е. позволит выявить онтологический статус субъективных прав, хотя и не в том контексте, как об экзистенции ведут речь, например, С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер и ряд их последователей. В свою очередь, это позволит уйти от определения субъективного права, например, как меры свободы (такое определение проблематично хотя бы в силу неопределенности и исключительной политизированности термина «свобода»); как возможности/меры возможного поведения (такое определение проблематично и в диалектической, и в алетической, и в так называемой деонтической интерпретации возможности); как господства / власти / воли / волевой мощи / правомочия / состояния и т. д. (такие определения некорректны не только в силу некоторых частных неточностей, но также в силу проблематичности отнесения их к метадогматическим предельно обобщающим категориям для описания правовой реальности). Подобный уход откроет путь к построению не только корректной, но и методологически фундаментальной модели субъективных прав. Построение сообразной реальности модели субъективных прав поможет использовать теорию государства и права для построения корректного информационного поля, позволяющего реализовывать социально полезное

государственное управление через так называемое контекстуальное управление в части формирования соответствующих ценностных контекстов как объектного, так и метаязыка права.

Социальная полезность государственного управления упомянута не случайно. В настоящее время ряд деструктивных последствий глобализации обусловлен прежде всего тем, что она реализуется преимущественно в рамках агрессивной западной модели. Теоретическая часть данной модели имеет либеральный (неолиберальный) фундамент, элементами которого являются весьма специфические представления о свободе, демократии, гражданском обществе, прогрессивности деятельности законодателя и, соответственно, о правах человека и субъективных правах и т. п., изобилующих противоречиями и двойными стандартами.

Именно поэтому уход от некорректных, но востребованных некоторыми субъектами управления моделей субъективных прав и формирование рационального фундамента, позволяющего описать и объяснить данное правовое явление, позволят выстроить также правильную модель их ценностной интерпретации. Это поможет более адекватно отразить в субъективных правах не только политико-идеологические, но и мировоззренческие, культурные и иные аспекты алгоритмов социального взаимодействия. Конструктивность такого подхода выражается в более точном определении места и роли субъективных прав в правовом регулировании как элементе социального управления, реального значения данных прав в укреплении государственного суверенитета и в правовом обеспечении национальной безопасности.

-
1. Зенн М. История права: культурно-исторический очерк / перевод с нем. Т. М. Ключановой. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2016. 530 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / перевод с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 624 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Виноградов П. Г. Римское право в средневековой Европе. М. : Издание А. А. Карцева, 1910. 99 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята все-нар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)